

Анатолий КИМ: ИСКАНДЕР И РАСПУТИН В "ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ" НЕ ПРИЖИЛИСЬ

Веч. клуб. — 1998. — 23 апр. — с. 7

ФОТО ИГОРЬ ИВАНЧЕНКО

Писатель Анатолий Андреевич Ким громко заявил о себе в начале 80-х, когда вышел его роман "Белка". В последующие годы его популярность стала настолько велика, что очень многие, выписывая "Новый мир", прежде всего "подписывались" на Кима. Но в первой половине 90-х Анатолий Андреевич будто исчез из нашей литературной жизни. Почти пять лет он провел за границей. Там написал несколько новых замечательных книг. И теперь они выходят в разных журналах. А вскоре почитатели Анатолия Кима получат и полное шеститомное собрание его сочинений.

— Анатолий Андреевич, расскажите о себе. Как вы стали писателем?

— Я, как говорится, этнический кореец. Но уже в третьем поколении русский подданный. Мой дед еще в 1908-м перешел границу и поселился на русском Дальнем Востоке. Но в конце 30-х годов, как вы, может быть, знаете, дальневосточных корейцев расселили по стране. Преимущественно в Среднюю Азию. И я уже родился в Казахстане, в 1939 году. Потом, когда крепостная система для некоторых репрессированных народов была отменена, мои родители возвратились на Дальний Восток и поселились на Сахалине. Там я закончил школу. С детства увлекался рисованием и поэтому после школы поехал в Москву поступать в художественное училище. Поступил, учился какое-то время, но решил не продолжать этого образования, потому что у меня вдруг появилось желание работать со словом. Окончательно определился уже в армии — буду писателем. С тех пор только литературой и занимаюсь. После службы окончил литинститут, начал печататься.

— Кого вы считаете своим литературным учителем?

— Знаете, этот вопрос для меня всегда был затруднительным. Я любил многих писателей, и трудно даже кому-то отдать предпочтение. Но если говорить о влиянии на мое желание писать, то решающее значение имели Фолкнер, Хемингуэй, Киплинг, из наших — Лесков и Платонов.

— А восточная литература на вас как-нибудь повлияла?

— Акутагава очень сильно повлиял. Кобо Абэ. Поскольку отечественная литература в те годы не блистала именами, то, естественно, на меня, да и на других писателей моего поколения огромное влияние оказали именно зарубежные мастера.

— А кто у вас вел семинар в литинституте?

— Это был старейший наш писатель, знавший лично еще Бунина и других классиков, — Владимир Германович Лидин. В нем была квинтэссенция литературной культуры. Он мог дать исчерпывающую оценку того, что ты сделал в языке, но при этом ничего не навязывал. Только следил, если у кого-то что-то появлялось, и указывал — вот это у вас какое-то новое словечко, вот это вы сделали интересно, это вполне может быть, а это вот слабовато, невыразительно. Я считаю, мне очень повезло, что школу стилистики прошел у Лидина.

— А среди ваших учеников есть известные писатели? Вы ведь в том же литинституте преподавали пять лет...

— К сожалению, таких нет. Я собственно и выпустил-то один семинар, а больше не захотел работать. Не с кем.

— В связи с этим позвольте спросить: почему у нас в целом в последние годы литература в таком упадке? В этом даже есть некий парадокс: во все времена переломные исторические эпохи плодотворно влияли на культуру.

— Вы знаете, все эти переломные моменты, моменты катаклизмов, смены эпох не похожи друг на друга. Российский исторический разлом начала XX века — это совсем не то, что происходит теперь. Тогда действительно выявилось очень много крупных и разнообразных писателей. Но тому была причина — собственно причиной был весь прошедший век, когда общество находилось в таком постоянном ожидании крупных литературных личностей. Есть в литературоведении такой термин "языковая личность". Это тот, кто через язык, в конкретном случае через художественный язык, может создать какие-то очень сильные энергетические системы. И вот люди, общество естественным образом их ожидали, охотно тянулись к ним. Причем это был взаимный процесс — одни выращивали других. И ко времени известного нашего катаклизма начала XX века литературно-личностные лидеры были выявлены наиболее сильно. Вспомните, начиная от Льва Толстого, почти дожившего до этого перелома, какие там были мощные писатели. Все эти люди имели свою собственную языковую систему. Язык того же Толстого, например! Язык Чехова! Язык Бунина! Они были основоположниками языковых систем, повлиявших на несколько писательских поколений. И не только русских. Но дальше мы знаем, что случилось: внимание к личности, самое представление о значимости личности переменялось. Ценность этой самой личности стала равняться почти нулю. И в результате прекратился процесс взаимного выращивания общества и личности, писателя и общества, личности и писателя. Это происходит и теперь.

— В реализации сюжета, характеров своих персонажей вы используете приемы мифологии. Например, в романе "Поселок кентауров". Почему выбран именно такой прием?

— Мне хотелось писать не так, как это разрешалось, не так, как считалось правильным. Но в то время, как известно, своевольничать

было непозволительно. И я начал тогда писать свои вещи, невольно уходя в подтекст или отгораживаясь сложными метафорами. Потребовалось изобрести собственную эзоповскую систему. Одним из таких произведений был мой первый, но сразу же очень прозвучавший роман "Белка", написанный в 1982 году и вышедший в свет в 1984-м. Эта книга появилась в немыслимое для подобной литературы время. И даже сам Георгий Марков, всесильный первый секретарь Союза писателей, на VIII писательском съезде в своем докладе, указывая на недостатки современной литературы, привел в качестве примера "Печальный детектив" Астафьева и мой роман. Но тут же на съезде произошло нечто мистическое. Едва он заговорил про "Белку", как вдруг умолк. Оказалось, у него случился сердечный приступ. К нему тотчас подошли люди и помогли ему выйти за кулисы. Но благодаря тому, что сам Марков упомянул мой роман, "Белка" приобрела известность на весь мир. Роман перевели на 15 языков — в Германии, во Франции, в Испании, в Италии, в Финляндии, в Китае, в других странах. А суть марковского доклада была в том, что если "Белка" и отображает некоторые моменты жизни, достойные критики, то делает это "не по-нашему". В 1989 году у меня вышел новый роман "Отец-Лес". Потом я написал "Поселок кентауров", "Онлирию". Последний мой роман называется "Сбор грибов под музыку Баха". Вышел он в прошлом году. Вот это и есть мой, как говорится, творческий путь. Теперь все эти мои сочинения komponуются в шеститомник. Это делает петербургское издательство "Корё Сарам", что означает "Корейцы". Возглавляет его тоже один российский кореец. Он решил издать все мои произведения в едином собрании. Я ведь занимаюсь не только прозой, у меня есть и киносценарии, я писал пьесы для театров, писал и стихи когда-то.

— Недавно вы начали издавать журнал "Ясная поляна", вышло уже два номера. Как все это началось и как складывается?

— Когда я вернулся из Кореи, где четыре с лишним года преподавал русскую литературу для корейских студентов и аспирантов, я встретился с потомками Льва Николаевича Толстого. Это мои давнишние добрые знакомые. Они предложили создать совместно толстый литературный журнал и попросили меня этот журнал редактировать. Я согласился. У журнала совершенно особенная кон-

цепция. Начать хотя бы с того, что он по своему объему ни с чем не сравним — 400 полноцветных полос. Это самый большой из когда-либо существовавших литературных журналов. Мы печатаем в равной мере и писателей прошлого — у нас даже есть такая рубрика "Возвращение мастера" — и современную литературу. Вначале я попросил самых наших известных мастеров — Распутина, Искандера, Крупина — дать в журнал свои вещи. Но во всем, что они дали, оказалось очень много злободневной публицистики и мало чисто литературного искусства. А, начав такой журнал, подменять одно другим я не хотел и не хочу. И тогда я стал искать материал у совсем молодого поколения, пишущего в духе традиционализма. Потому что всякий там постмодернизм с Приговым, с Сорокиным меня тем более не удовлетворяет. Это все низкий уровень культуры, литературный иллюзионизм.

— Что бы вы хотели сказать сегодня своим читателям?

— Наше счастье в том, что, как бы мы ни жили, мы всегда были самым читающим народом. При чем читающим именно высокую литературу — хотя бы этим мы были богаты. И мне хочется через газету обратиться к моим московским в первую очередь читателям и сказать, что я жив, что я по-прежнему работаю, что я написал много новых вещей, которыми очень хочется теперь с ними поделиться.

Встречался
Юрий РЯБИНИН.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Вышел первый том Собрания сочинений в 6 томах Анатолия Кима в издательстве "Корё Сарам", Санкт-Петербург. В Собрание сочинений вошли произведения, изданные в 1973 — 1997 гг., — романы, повести, рассказы, пьесы, киносценарии, стихи. Многие из них, такие, как романы "Белка", "Отец — Лес", повести "Соловьиное эхо", "Лотос", "Луковое поле", стали в свое время бестселлерами, переведены на многие языки мира. Подписки на Собрание сочинений Анатолия Кима — с первым томом — производится по адресу: Москва, Сретенка, 9, МКЦ "Надежда", тел. 928-34-80 и Калужская площадь, 1, магазин "Рубикон", тел. 230-83-04. И еще: сегодня, 23 апреля в ЦДЛ пройдет творческий вечер писателя. Анатолий Андреевич приглашает.